

УДК 1751.82.821.581

О. С. Рыжченко,

кандидат филологических наук, старший преподаватель
(Харьковская государственная академия культуры)

eradis80@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1693-6121

КИТАЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ В ЕВРОПЕЙСКОМ ВАРИАНТЕ

Статья посвящена сопоставительному анализу оригинального китайского детективного произведения с переводным китайским детективом, который был осуществлен европейским востоковедом Робертом ван Гуликом. Проведенный анализ показал, что переводное произведение носит скорее характер стилизации, поскольку переводчик стремился придать своему произведению характер классического английского детектива, в то время как оригинальное китайское произведение направлено больше на описание общественного развития и функционирования, чем на описание логических и аналитических поисков преступника, характерных для классического английского детектива, основные черты которого и наследует переводной европейский роман.

Ключевые слова: детективный роман, доклассический период, переводной роман, роман о судьях, стилизация.

Постановка проблемы. Китайской цивилизации, которая, по мнению исследователей, является одной из старейших в мире, пять тысяч лет. Китай является родиной бумаги, компаса, пороха и книгопечатания, так называемых "четырёх великих китайских изобретений" по мнению известного исследователя китайской науки Джозефа Нидэма. Более того, китайская литература является одной из древнейших литератур мира.

Однако современный европейский читатель плохо знаком с достижениями китайской литературы, и причины этого кроются, по нашему мнению, в китайской идеологии конфуцианства и каноничности литературы. Очень долгое время китайская литература была скорее "изящной словесностью", чем литературой. В европейском понимании "изящная словесность" (фр. belles lettres) - общее название художественной литературы. Но, как отмечают Б. В. Кондаков, Д. С. Попов и Т. Н. Чугаева, "китайская литература не является "беллетристикой" в традиционном европейском понимании <...>: она была всегда больше, чем просто литература. Содержание, мысль, этическая оценка в ней всегда были важнее, чем художественная форма; историческая информативность, назидательность и дидактичность, наличие отчетливо сформулированного положительного морально-этического идеала превалировали над "развлекательностью" [1: 80].

Тем не менее, бесспорен тот факт, что китайская литература в конце XIX - начале XX века ощутила на себе значительное влияние европейской литературы и постепенно стала интегрироваться в мировой литературный процесс. Это же утверждение справедливо и в отношении детективного жанра. Как отмечает в своем исследовании Н. В. Захарова, "в китайской литературе в конце XIX в. еще не существовало как самого слова "детектив", так и литературного жанра <...>, обозначаемого понятием "детектив" [2: 55]. Но были очень популярны авантурные романы, которые соединяли в себе "романы о судьях" и "героико-авантурную рыцарскую прозу". Первые полноценные детективы появляются в Китае только в начале XX века, а первым китайским детективщиком исследовательница правомерно считает У Вояю, автора романов "Расследование кражи", "Тридцать четыре китайские детективные истории", "История четырех крупных бриллиантов", огромное влияние на которые оказала переводная западная детективная проза.

Однако в приложении к своему первому произведению о судье Ди нидерландский востоковед Роберт ван Гулик отмечает, что "короткие рассказы о таинственных преступлениях и их раскрытии существовали в Китае на протяжении более тысячи лет, а знаменитые детективы были прославлены в историях публичных рассказчиков и театральных пьесах многих столетий. Более длинные китайские детективные романы появились позже, около 1600 года, и получили дальнейшее развитие в XVIII и XIX столетиях. Эти длинные увлекательные и таинственные истории до сих пор очень популярны в Китае" [3]. На наш взгляд, эти истории не соответствовали правилам, предъявляемым к классическому детективному произведению в Европе, в них делался акцент не на раскрытии преступления, а на восхвалении личности расследователя. Поэтому вполне целесообразно, как нам кажется, придерживаться концепции Н. В. Захаровой и считать датой появления классического "собственно детективного произведения" в Китае именно конец XIX в. С другой стороны, вполне логично, что китайская литература развивалась согласно с собственными правилами и с учетом национальной истории и культуры. В связи с этим понятно отличие классического мирового детектива от собственно "китайского детектива" (этот термин имеет полное право на существование).

К сожалению, на сегодняшний день мы имеем очень скудное представление о китайском детективе как до появления классических рассказов Э. По, так и после них, что, на наш взгляд, не позволяет составить полную картину становления китайского детектива как такового, а также определить его место в развитии китайской литературы в целом.

Анализ основных исследований и публикаций. Китайская литература привлекает внимание современных исследователей, однако лишь некоторые ее аспекты освещаются современными литературоведами, в центре внимания которых в последнее время оказывается в основном поэзия. Детективное творчество как таковое практически не стало объектом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей литературы. Историю становления жанра детектива в Китае мы находим только в статье Н. В. Захаровой [2]. К сожалению, творчество западных писателей, избирающих Китай площадкой для развития своих событий, также обходится вниманием исследователей, о чем свидетельствуют малочисленные работы, посвященные творчеству Роберта ван Гулика, в частности статьи М. Р. Ненароковой и В. Л. Черной.

Цель статьи. В нашей работе мы попытаемся сопоставить произведения доклассического периода детективного жанра, а именно европейский вариант "китайского детектива" (автор - Роберт ван Гулик) и оригинальный китайский роман о судьбе (автор - Ши Юй-Кунь), чтобы выявить их наиболее характерные черты сходства и различия.

Изложение основного материала. В начале прошлого века, в период становления классического европейского детектива Рональд Нокс, теоретик жанра, один из основателей "Детективного клуба", в своих "десяти заповедях детективного романа" (1928) указал, что "в произведении не должен фигурировать китаец" [4: 430]. Тибор Кестхейи отозвался о подобном запрете как о социальном предрассудке, типичном для англичан. Он отметил, что "после боксерского восстания 1900 года для подданного Британской империи в течение четырех десятилетий не было более ненавистной фигуры, чем китаец" [5: 155]. Сам Рональд Нокс предположил, что подобное отношение европейцев к жителям Поднебесной обосновано тем, что они считались "существами чересчур умными и недостаточно нравственными" [4: 431]. Далее он предложил читателю сразу же отложить в сторону книгу, в которой упоминаются "глаза-щелочки китайца Лу" по той причине, что это плохая вещь. На наш взгляд, подобное отношение Рональда Нокса к представителям другой расы обусловлено его субъективным мнением и не несет в себе какого-либо элемента достоверности.

Возможно, еще одной причиной подобного отношения к "китайцам" является довольно поверхностное знакомство европейского читателя с достижениями китайской литературы. Этот пробел решил восполнить известный исследователь китайской культуры Роберт ван Гулик, который в середине XX века познакомил западного читателя с традициями китайской культуры и литературы. Роберт ван Гулик, способствуя популяризации китайской темы в европейской литературе, "вывел в свет" своего знаменитого судью Ди, тем самым став отцом-основателем ретродетектива в мировой литературе.

Первое произведение о судьбе, "Знаменитые дела судьи Ди", было, по замечанию самого Р. ван Гулика, переводом китайского произведения неизвестного автора "Ди Гунь Ань", относящееся к XVIII веку. Роберт ван Гулик решил продолжить работу над делами судьи, выпустив в свет еще более десятка повестей и рассказов, стилизованных под оригинальное китайское произведение, являясь уже их полноправным автором.

В своем "Необходимом предисловии для облегчения чтения романов о судьбе Ди", относящемся к первому роману о судьбе, Роберт ван Гулик дал подробный комментарий и анализ основных характерных черт китайского детективного произведения и объяснил причины "непопулярности" подобного произведения у европейских читателей. Нидерландский ученый отметил, что "ни одна из китайских детективных историй не была издана полностью в английском переводе. <...> Поэтому нельзя отрицать, что западные студенты обходили вниманием китайский детективный роман, отдавая предпочтение знаменитым китайским историческим и "нравоучительным" романам, доступным в превосходных, полных переводах" [3].

Далее Р. ван Гулик привел пять основных составляющих, которые качественно отличают китайский детектив от его европейского собрата. В частности он выделил следующее:

1. Преступник, его имя и история, а также мотивы совершения преступления изложены уже в самом начале повествования.
2. "Сверхъестественное" является неотъемлемой частью произведения, помогая детективу в расследовании преступления.
3. Из-за страстного интереса к деталям, проявляемого китайцами, детективные романы отличаются неспешным повествованием, подробными описаниями документов и писем, а также различными отступлениями.
4. Удивительная память на имена и особый интерес к семейным отношениям обеспечивают огромное количество персонажей (около двухсот) в одном произведении.
5. Развязка детективного произведения – это подробный отчет о казни преступника.

По замечанию самого востоковеда-переводчика, выбор романа "Ди Гунь Ань" не случаен, так как именно он сочетает в себе "максимум детективной интриги и общечеловеческих проблем с минимумом чисто китайских особенностей, <...> и соответствует нашим привычным стандартам" [3]. Более того, если взять за основу утверждение об оригинальной природе самого романа ("Знаменитые дела судьи Ди: достоверный китайский детективный роман XVIII века" [6]), то его особенности указывают больше на европейскую направленность "достоверного романа", что несет в себе элемент стилизации. Вызывает затруднение природа стилизации: или Р. ван Гулик внес изменения в роман, или сам неизвестный автор максимально приблизил его к стандартному классическому детективу (тогда возникает вопрос о временной принадлежности, а именно XVIII веку).

Как было указано выше, в своей статье мы предпримем попытку сравнить переводной роман европейского востоковеда Роберта ван Гулика о судье Ди и роман китайского сказителя Ши Юй-Куня о справедливом и неподкупном судье Бао-гуне. Прежде всего, следует отметить, что эти произведения освещают действия реальных исторических лиц Ди Жэньцзе (630–700) и Бао Чжэна (999–1062). Однако судья Ди перекочевал из эпохи Тан (618–907) в эпоху Мин (1368–1644), а Бао Чжэн стал героем народной китайской мифологии, одним из судей загробного мира, что в некоторой степени идеализирует героев этих детективных произведений. Так, Бао-гун в романе Ши Юй-Куня характеризуется следующим образом: "Куй-син <дух одной из звезд Большой Медведицы; божество, помощник бога словесности Вэнь-чана> является во сне и предвещает приход в мир замечательного человека" [7: 39] или "Поистине небожитель спустился на землю! - не мог нарадоваться учитель. - Пусть учится! Его ждут в будущем высокие чины и великие дела!" [7].

Роберт ван Гулик более скромно в описании своего героя: "Один честный судья означает счастье для тысяч семей, одно слово "справедливость" означает мир для всего населения. Образцовое поведение судьи Ди, судьи Чанпина, описано здесь в назидание читающей публике" [6: 8]. Нидерландский востоковед в описании своего героя наследует европейскую традицию: судья представлен читателю как реальный человек, а не полумифический герой. В этом заключается одно из существенных отличий китайского детектива от европейского: европейский расследователь преступлений – это человек с необыкновенными способностями, аналитическим мышлением и сверхнаблюдательностью, а китайский расследователь – это полубожество, спустившееся на землю. Китайский судья – это сверхличность, представитель особой касты, член высшего сословия.

Как известно, для Китая характерен особый сословный подход в разделении своих граждан. Ши Юй-Кунь отмечает в своем романе, что перед законом все равны, никто не избежит наказания, прикрывшись своим социальным положением, будь то бедняк или правитель. Однако социальные разграничения проявляются при наказании преступников, так как для каждого сословия предусмотрен особый вид оружия, которым производится наказание (каждый нож изготовлен из особого металла): "этими ножами я буду казнить преступников, - пояснил Бао-гун. - Знатных – "головой дракона", богатых, но незнатных – "головой тигра", простолюдинов – "собачьей головой"" [7: 71].

Социальные различия подчеркиваются автором и в манере обращения судьи Бао-гуна к простолюдинам: "Где тебя носит, пёс? - накинулся на него хозяин. Я уж заждался" [7: 47] или "Ах ты пёс! - еще больше рассердился Бао-гун" [7]. Как известно, собака считалась одним из самых почитаемых животных в Древнем Китае, а потом стала признаком высшего класса, роскоши. В этом свете подобное ругательство выглядит несколько странно. Однако если проследить подобные метаморфозы в английском и русском языках, несмотря на отношение россиян и европейцев к этому животному как к верному другу и члену семьи, в русском языке, равно как и в английском, присутствует ряд ругательных выражений, ключевым словом в которых и выступает собака: (пёс, шавка)/(cur).

Подобное пренебрежительное отношение как к нижестоящим, а именно простым жителям Поднебесной, подающим жалобу в суд, так и в отношении самого судьи Ди, наблюдается и в произведении Р. ван Гулика, в частности в той манере, в какой автор описывает обращение к самому судье и отношение судьи к высочайшим указам: "Судья Ди медленно свернул указ и положил его обратно на стол. Затем, обратившись лицом в сторону столицы, он снова расprostерся и девять раз подряд ударился головой об пол в знак признательности императорской милости" [6: 250]. ("Judge Dee slowly rolled up the Edict and replaced it on the table. Then, turning in the direction of the capital, he again prostrated himself, and knocked his head on the floor nine times in succession to express his gratitude for this Imperial favour") [8: 235] или "Он несколько раз стукнулся головой об пол и взвыл:

- Этот незначительный человек заслуживает смерти! Вчера я не знал, что разговариваю с вашей честью" [6: 56]. ("He knocked his head on the floor several times and wailed:

"This insignificant person deserves to die! I did not know that yesterday I was addressing Your Honour") [8: 50].

В произведении Ши Юй-Куня используется более толерантное отношение к нижестоящим, обращающимся к чиновникам и судьям: "Ли Бао обрадовался, еще раз поклонился и вскочил с колен" [7:

57] или "Бао Син зажег ароматную свечу, поставил ее в курильницу, опустился на колени и трижды поклонился" [7: 58].

Для сравнения, в записках известного российского следователя Ивана Дмитриевича Путилина не просматривается отношение к преступнику или слуге в зависимости от его социального происхождения. Несмотря на то, что основными преступниками в серии рассказов выступают "крестьянин Александр Петров" или "мещанин Иван Григорьев" [9], И. Д. Путилин, который сам учился на медные деньги, никогда не позволял себе грубого обращения с подследственными:

" - Ну-с, как же тебя звать? - задал я обыкновенный вопрос.

- Не могу припомнить! - последовал ответ.

- Гм!... Вот как! Забыл, значит? Как же это так?

- Да так! Имя больно хитрое поп, когда крестил, дал ... Пока несли из церкви домой, я и забыл, а пока сюда попал, так и совсем позабыл. Просто никак припомнить не могу! - говорил задержанный, все еще глядя в сторону, но речь его принимала все более и более наглый оттенок.

- Тэ-э-эк-с, - протянул я, - Что же это ты, бедняга непомнящий, по ночам с дубиной на большой дороге делаешь?

- Ничего ... Так ... Хожу, значит, по своим надобностям" [9].

Подобная толерантность при проведении допроса не характерна китайским детективам, основная задача китайского судьи – "нагнать на преступника страху" и таким образом заставить его признаться в преступлении: "Стукнув по столу деревянным молотком, Бао-гун грозно произнес:

- Отвечай, У Лян! Или ты и дальше будешь отпираться?

- Смилуйтесь, господин, я во всем признаюсь!" [7: 53].

В переводном романе Р. ван Гулика судье Ди свойственна такая же манера ведения допроса: "Едва он закончил говорить, судья Ди заорал на него:

- Ты, собачья голова, я не спрашиваю у тебя совета, как найти преступника! Я только хочу понять, как можешь ты, облеченный официальной должностью и обязанный знать правила и предписания, так грубо нарушать закон?" [6: 18] ("You dogs-head, I am not asking to be advised by you as to the identity of the criminal. What I demand to know is, how can you, charged with an official function, and supposed to know the rules and regulations, thus offend against the law?" [8: 16]).

Как указывалось выше, Роберт ван Гулик в своем предисловии особо подчеркивает вовлечение в расследование сверхъестественных сил, которые помогают герою в выявлении истины. Так, в романе Роберта ван Гулика в расследовании запутанного преступления, совершенного госпожой Чжоу (загадочное убийство мужа Би Цуня), помощь судье Ди оказывает сновидение, в котором ему даются некоторые подсказки ("Глава 11. Толкование из книги оказывается применимым к делу; сон дает скрытый ключ тому, что произошло" [6: 88]/ "A hint in a book proves applicable to the case; a dream supplies hidden clues to past events" [8: 85], а совершение преступления подтверждает сам призрак убитого ("Нас сюда привел выходец с того света" [6: 48]/ "A communication from the dead has directed us here" [8: 46] <Переводчик с английского несколько изменил оригинальный текст>). Тем не менее, нидерландец Р. ван Гулик свел подобный "мистический элемент" к минимуму, не привлекая элементы китайского фольклора, как это ярко представлено в романе китайского сказителя Ши Юй-Куна: "Глава пятая. Столярный отвес помогает раскрыть преступление. Черный таз жалуется на несправедливость старику Чжан Саню" [7: 52]. Для сравнения, своеобразный элемент сверхъестественного присутствует и в записках И. Д. Путилина, который неоднократно указывал, что "случай - это могущественный помощник сыска" или "как это часто бывает, дело решил случай" [9].

В то же время переводное произведение Роберта ван Гулика также несет в себе заметные элементы классического европейского детектива, что указывает на определенный элемент стилизации. Так, в тексте повествования достаточно часто встречаются детективные термины, не характерные китайскому произведению XVIII века, но отличающие классическое европейское детективное произведение. Приведем несколько примеров: "Следователь разложил на земле тростниковую циновку и велел положить на нее тело" [6: 26] ("The coroner there upon spread a reed mat on the ground, and had the corpse placed on top of it" [8: 25]). На наш взгляд, термин "следователь" ("coroner") более характерен европейскому детективному роману, а не китайскому роману о судье. Или "дежурные стражники поняли, что их самые худшие опасения становятся явью. Между собой они критиковали судью, но никто не посмел попросить его отменить эксгумацию" [6: 72] ("The constables outside now saw their worst fears come true. Among each other they criticized the judge, but nobody dared to ask him to stop the exhumation" [8: 70]). Эксгумация (профессиональный термин, который скорее характерен для современных детективов) и критика в адрес высшего сословия отличают скорее европейский детектив. Все это указывает на стремление автора стилизовать свое произведение под классический английский детектив (если брать в расчет его переводной характер) или наоборот, указывает на стремление "неизвестного автора" стилизовать произведение под "достоверный китайский детективный роман".

В своем положении № 4 об особенностях китайского детектива Роберт ван Гулик указывает, что китайцы очень любят наличие большого количества персонажей в произведении. Так, в произведении Ши Юй-Куня в наличии несколько сотен персонажей, которые объединены вокруг нескольких главных героев, на что указывает и само название произведения "Трое храбрых, пятеро справедливых". В то же время сам "переводчик" Р. ван Гулик вносит небольшие поправки в этот тезис. Прежде всего, следует отметить, что китайский детектив представляет собой скорее эпос, чем роман, а в переводном романе Роберта ван Гулика в самом начале произведения дан список действующих лиц общим числом 29. Если вспомнить положение о том, что Р. ван Гулик пытается облегчить европейскому читателю восприятие китайского произведения, то подобное урезание количества героев не позволяет европейскому читателю в полном объеме оценить специфику "собственно китайского произведения".

Хотелось бы также прокомментировать тезис Р. ван Гулика о любви китайцев к семейным узам. Как свидетельствует произведение китайского автора, понятие "духовного родства" является очень важным в культуре Китая. На это указывают частые упоминания слов "брат", "племянник", "дядя", "сестра" для обозначения людей, не состоящих в кровном родстве, что не типично как для европейской, так и русской культуры. Однако особо следует отметить частое использование слова "брат" в русской культуре и слова "bro" в современной английской культуре. В романе Роберта ван Гулика нет особой сплоченности героев, автор не использует подобных родственных "слов" для обозначения их духовной близости, в отличие от русского сыщика И. Д. Путилина, которому особое обращение помогает наладить контакт с арестованным: "Теперь сознавайся, братец, потому как сюда везут твоих четверых приятелей!" [9].

Кроме того, Р. ван Гулик пытается некоторым образом осовременить произведение XVIII века, вводя в него некоторые фразы, свойственные, скорее, современному английскому языку: "Один сказал, что его фамилия Лю, другой назвался Шао. Так как они были заняты распаковкой своего багажа, у меня не было возможности спросить их имена" [6: 26]. ("One said his surname was Liu, the other Shao. Since at the time they were unpacking their luggage, I did not have an opportunity for asking their personal names" [8: 25]). Как нам кажется, "распаковка багажа" характеризует скорее классического английского джентльмена, а не китайского торговца.

Роберт ван Гулик в своем переводном произведении пытается максимально полно сохранить и передать основные китайские традиции и способ жизни. Не секрет, что основное блюдо китайской кухни – рис, и востоковед старается использовать этот символический образ для подчеркивания социальных различий: бедный человек может себе позволить только рис и ничего больше. Однако использование Р. ван Гуликом этого типичного символа Китая носит несколько европеизированный характер, поскольку имплицитно указывает на типично английское выражение "есть свой хлеб" или "выпить чашку чаю", которым он пытается заменить слова "пообедать" или "заработать себе на жизнь". Автор хочет указать на социальную принадлежность своего героя, но делает это не совсем удачно, на наш взгляд: "Я выходила из покоев только раз, - сказала служанка, - чтобы съесть свой вечерний рис" [6: 164] ("I only left the room once," the maid said, "and that was to eat my evening rice" [8: 164]) или "Неужели вы не узнаете человека, питающегося рисом с налогов, которые вы платите?" [6: 190] ("Don't you know the man who eats his rice from the taxes you pay?" [8: 189]). В произведении китайского автора Ши Юй-Куня мы встречаем использование слова "рис" в несколько ином ключе, а именно как уточнение рациона питания, которое указывает на отсутствие денег у героев: "Янь и слуга поужинали рисом, но только улеглись спать, как снизу вдруг донесся шум" [7: 123]). Из дальнейшего описания событий читателю становится понятен рацион бедного человека и рацион состоятельного человека.

Некоторый вклад в дело запутывания европейского читателя внес и переводчик, который, в отличие от профессионального востоковеда Р. ван Гулика, плохо разбирался в особенностях китайской культуры. На это указывают следующие "факты": "Меня, как окружного судью, люди считают отцом и матерью. И я должен позаботиться о том, чтобы возмездие настигло убийцу. Только тогда я смогу прямо смотреть в глаза Господу на небесах и людям на земле" [6: 25] <судья Ди – христианин?>. В оригинальном произведении Р. ван Гулик использовал слово "our Sovereign on high" [8: 24], что было бы уместнее перевести как "суверен или хранитель".

Выводы. В результате проведенного исследования мы можем заключить, что переводное произведение Роберта ван Гулика тяготеет больше к классическому английскому детективу. Автор стремится внести в повествование элемент тайны, тем самым пытаясь вовлечь читателя в детективную игру, призванную найти ответ на вопрос, "КАК?" было совершено преступление. Более того, он некоторым образом "англизирует" оригинальное китайское произведение, тем самым приближая его к европейскому читателю, в то время как собственно китайский роман постоянно сохраняет элемент аутентичности.

В то же время оригинальное китайское и русское детективные произведения доклассического периода имеют некоторые точки соприкосновения. В частности, китайский детектив, как и русский, направлен больше на описание основных составляющих профессиональной жизни судьи и сыщика, которые расследуют преступления. Именно поэтому в этих произведениях практически отсутствует

элемент тайны раскрытия и процесс логического расследования преступления: розыск с необходимыми переосмыслениями и сбором информации составляют основной элемент расследования. Большое внимание, как в китайском, так и в русском детективе уделяется эмоциональной передаче речи героев: авторы стремятся передать национальный колорит, используя просторечные и эмоционально окрашенные слова. Русское и китайское произведения тяготеют больше к профессиональному бытописательству, поэтому они и не являются детективными произведениями в полном смысле, что качественно отличает их от переводного произведения Роберта ван Гулика, которое носит скорее характер стилизации, чем собственно перевода.

К сожалению, китайский доклассический детектив практически не изучен современными отечественными исследователями, что открывает широкие перспективы для всесторонних исследований в данной области: изучения тематического спектра и мотивной структуры, гендерного аспекта, интертекста и многого другого.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Китайский язык : история, цивилизация, культура / Кондаков Б. В., Каменских М. С., Попов Д. С. [и др.] // Вестник Пермского научного центра. – 2015. – №3. – С. 67–98.
2. Захарова Н. В. Переводы Конан Дойля и становление жанра детектива в Китае в начале XX века / Наталья Владимировна Захарова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – № 5. – Том 21. – С. 55-58.
3. Гулик ван Р. Необходимое предисловие для облегчения чтения романов о судьбе Ди [Электронный ресурс] / Роберт ван Гулик // Dmitry Kuznetsov. Мой живой журнал. – Режим доступа : <http://www.kouznetsov.de/data/russian/miscellaneous/lib/vgul00/vgul0001.htm>.
4. Ненарокова М. Р. Детективные романы Р. ван Гулика как синтез литературных традиций Европы и Китая / М. Р. Ненарокова // Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции "Теоретические и прикладные аспекты современной науки". – 2015. – Часть II. – С. 122–129.
5. Ненарокова М. Р. Роберт ван Гулик и российские читатели / М. Р. Ненарокова // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – №1–3. – С. 130–137.
6. Черная В. Л. Художественные особенности ретродетективов Р. ван Гулика [Электронный ресурс] / В. Л. Черная // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С Сковороди. Сер. : Літературознавство. - 2011. - Вип. 4 (1). - С. 144–149. - Режим доступа : [http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nzl_2011_4\(1\)_19](http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nzl_2011_4(1)_19).
7. Нокс Р. Убийство на виадуке. Три вентиля : [романы] / Роберт Нокс. - М. : АСТ, 2016. – 448 с.
8. Кестхейи Т. Анатомия детектива : следствие по делу о детективе / Тибор Кестхейи. – Будапешт : Корвина, 1979. – 272 с.
9. Гулик Р. ван. Знаменитые дела судьи Ди : достоверный китайский детективный роман XVIII века : [пер. с англ. И. И. Мансурова]. - М. : Центрполиграф, 2005. - 282 с.
10. Ши Юй-Кунь. Трое храбрых, пятеро справедливых : [роман] / Юй-Кунь Ши. - М. : Гудьял-Пресс, 2000. – 416 с.
11. Gulik van Robert Hans. Celebrated Cases of Judge Dee : An Authentic Eighteenth-century Chinese Detective Novel / Robert Hans van Gulik // Detective Stories Judge Dee Mysteries Series, Courier Corporation, 1976. – 237 p.
12. Путилин И. Д. 40 лет среди грабителей и убийц [Электронный ресурс] / Иван Дмитриевич Путилин // Электронная библиотека bookZ.ru. – Режим доступа : http://bookz.ru/authors/ivan-putilin/40-let-s_%20987.html.

REFERENCES (TRANSLATED & TRANSLITERATED)

1. Kitaiskii yazyk : istoriia, tsivilizatsiia, kul'tura [Chinese Language : History, Civilization, Culture] / Kondakov B. V., Kamenskikh M. S., Popov D. S. [i dr.] // Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra [Perm Scientific Center Newsletter]. – 2015. – №3. – S. 67–98.
2. Zakharova N. V. Perevody Konan Doilia i stanovleniie zhanra detektiva v Kitaie v nachale XX veka [Conan Doyle's Translations and Genre Formation in China at the Beginning of the XX century] / Natalia Vladimirovna Zakharova // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova [N. A. Nekrasov Kostroma State University Newsletter]. – 2015. - № 5. - Tom 21. - S. 55-58.
3. Gulik van R. Neobkhodimoie predislovie dlia oblegcheniia chteniia romanov o sudie Di [The Obligatory Preface for Simplification of Reading of the Judge Dee's Novels] [Elektronnyi resurs] / Robert van Gulik // Dmitry Kuznetsov. Moi zhivoi zhurnal [Dmitry Kuznetsov. My LiveJournal]. – Rezhim dostupa : <http://www.kouznetsov.de/data/russian/miscellaneous/lib/vgul00/vgul0001.htm>.
4. Nenarokova M. R. Detectivnyie romany R. van Gulika kak sintez literaturnykh traditsii Yevropy i Kitaia [Detective Novels by R. van Gulik as the Synthesis of European and Chinese Literary Traditions] / M. R. Nenarokova // Sbornik nauchnykh trudov po materialam VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Teoreticheskie i prikladnyie aspekty sovremennoi nauki" [The Collection of Research Papers Based on the Materials of the VIII International Research-to-Practice Conference "Theoretical and Practical Aspects of Modern Science"]. – 2015. – Chast' II. - S. 122-129.
5. Nenarokova M. R. Robert van Gulik i rossiiskie chitateli [Robert van Gulik and Russian readers] / M. R. Nenarokova // Sovremennyye tendentsii razvitiia nauki i tekhnologii [Modern Tendencies of Science and Technology Development]. – 2015. – № 1–3. – S. 130–137.

6. Chernaia V. L. Khudozhestvennyie osobennosti retrodetektivov R. van Gulika [Belles Particularities of R. van Gulik Retro Detectives] [Elektronnyi resurs] / V. L. Chernaya // Naukovi zapiski Kharkivs'kogo natsional'nogo pedagogichnogo universitetu im. G. S. Skovorody. –Ser. : Literaturoznavstvo [G. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University Academic Commentaries] – 2011. – Vyp. 4 (1). – S. 144–149. – Rezhym dostupa : [http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nzl_2011_4\(1\)_19](http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nzl_2011_4(1)_19).
7. Noks R. Ubiistvo na viaduke. Tri ventilia : [romany] [Knokh Ronald. Viaduct Murder. Three Taps] / Ronald Noks. – M. : AST, 2016. – 448 s.
8. Kestkheii T. Anatomiiia detektiva : sledstvie po delu o detektive [Detective Anatomy : Examination in the Case of Detective] / Tibor Kestkheii. – Budapesht : Korvina, 1979. – 272 s.
9. Gulik R. van. Znamenitye dela sudi Di : dostoverni kitaiskii detektivnyi roman XVIII veka : [per. s angl. I. I. Mansurova] [Famous Cases of Judge Dee : authentic Chinese Detective Novel of the XVIII Century [translated from English by I. I. Mansurov]] – M. : Centrpoligraf, 2005. – 282 s.
10. Shi Yuj-Kun Troie khrabrykh, piatero spravedlivykh : [roman] [The Seven Heroes and Five Gallants] / Shi Yui-Kun. – M. : Gudyal-Press, 2000. – 416 s.
11. Gulik van Robert Hans Celebrated Cases of Judge Dee : An Authentic Eighteen-century Chinese Detective Novel / Robert Hans van Gulik // Detective Stories Judge Dee Mysteries Series, Courier Corporation, 1976. – 237 p.
12. Putilin I. D. 40 let sredi grabitelei i ubiits [Elektronnyj resurs] [40 Years among Robbers and Murderers] / Ivan Dmitrievich Putilin // Elektronnaia biblioteka bookZ.ru [Digital Library bookZ.ru]. – Rezhim dostupa : http://bookz.ru/authors/ivan-putilin/40-let-s_%20987.html.

Рижченко О. С. Китайський детектив в європейському варіанті.

Стаття присвячена порівняльному аналізу оригінального китайського детективного твору з перекладним китайським детективом, який був здійснений європейським східнознавцем Робертом ван Гуліком. Проведений аналіз показав, що перекладний твір носить швидше характер стилізації, оскільки перекладач прагнув надати своєму твору характер класичного англійського детективу, тоді як оригінальний китайський твір спрямований більше на опис громадського розвитку і функціонування, ніж на опис логічних і аналітичних пошуків злочинця, які характеризують класичний англійський детектив, основні риси якого й наслідує перекладний європейський роман.

Ключові слова: *детективний роман, докласичний період, перекладний роман, роман про суддів, стилізація.*

Ryzhchenko O. S. Chinese Detective in Its European Equivalent.

The article deals with the comparative analysis of the original Chinese detective work with the novel in translation which was carried out by the European Orientalist Robert van Gulik.

The aim of the article is to contrast the European novel in translation and the original Chinese work of preclassical period of detective genre in order to find out their principal differences and common points. Stuff for the article is the adventurous heroic novel by Chinese story-teller Shi Yukun "The Three Heroes and Five Gallants", the novel in translation "Celebrated Cases of Judge Dee" by the Dutch researcher of Chinese culture Robert van Gulik and memoir of the chief of Saint Petersburg criminal investigation police Ivan Dmitrievich Putilin.

The comparative analysis of the European novel in translation and the original Chinese novel which was carried out has shown that the European novel in translation carries the features of rather pastiche than original Chinese novel as the translator had the aim to attach the character of classical English detective to his work while the original Chinese novel is focused on the description of social evolution and functioning rather than on description of logical and analytical search of the criminal which are typical for classical detective works, the main features of which inherits the European novel in translation. At the same time Russian and Chinese preclassical detectives have common points.

The results of the research can be used while preparing lecture courses on Chinese and European literature, for social and culturological researches and also for translational text analysis (the novel by Robert van Gulik).

Key words: *detective novel, novel about judges, novel in translation, pastiche, preclassical period.*